

ISSN 0042-8779

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В НОМЕРЕ:

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВОЙ АРХЕОГРАФИИ

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЦАРИЗМ

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА МАГРИБА

ТЕМА «НЕМЦЫ И РУССКИЕ» В ПУБЛИЦИСТИКЕ ФРГ

«ХРОНИКА ЗЕМЛИ ПРУССКОЙ» (ФРАГМЕНТЫ)

ФРОНДА

7
МОСКВА · 1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Через общественный идеал Радищева автор раскрывает идеалы целого направления (гл. 4, § 5). Тем более огорчительно подробно, но не подкрепленное точными текстами обоснование П. С. Грацианским мысли об эгалитаристской программе Радищева. Признание Радищевым за крестьянами права приобретать собственность наравне с другими сословиями (а только эту идею и можно вычитать в его высказываниях) не отвечает основным принципам эгалитаризма, тем более не выдерживает сопоставления с утопически-коммунистическими взглядами Мабли и его последователей. От программы Радищева в этой части идет прямой путь к «Русской Правде» П. И. Пестеля и декабристской программе. Рецензируемая книга концепционна. Исследование политической идеологии просветительства сопряжено в ней с оценкой социального его значения как выражения интересов «самых широких масс населения России, в первую очередь крестьянства» (с. 250). Истоки формирования просветительства П. С. Грацианский усматривает в освободительной борьбе крестьянства и его мировоззрении, отмеченном утопизмом (гл. 1, § 1). Склонен ли автор тем самым расценивать русское просветительство вто-

рой половины XVIII в. как прямое предшествование народнической идеологии? Основания к такому выводу дает и то, что П. С. Грацианский акцентирует неосознано буржуазный характер просветительства, его ориентацию на социальные устремления исключительно крестьянства.

Проблема социальной определенности русского Просвещения не из простых и решается по-разному. Тем более, что носителями и творцами политических идей просветительства были представители передового дворянства и, меньше, формирующейся разночинной интеллигенции. Думается, что более правильно было бы вести историческую линию от просветительства через Радищева к дворянской революционности и буржуазной идеологии декабризма. Позиция П. С. Грацианского в оценке роли русского просветительства, надо полагать, вызовет у не разделяющих его мнение историков стремление провести дальнейший, более детальный полемический анализ выдвинутых аргументов, дискуссионных аспектов проблемы русского Просвещения и просветительства.

В. И. Моряков,
О. А. Омельченко

Р. Г. ФАХРУТДИНОВ. *Очерки по истории Волжской Булгарии*. М. Наука, 1984. 216 с.

История Волжской Булгарии и культура народов этого раннефеодального государства освещены в ряде исследований археологических памятников (среди этих работ выделяются труды А. П. Смирнова¹), изучались и письменные источники по отдельным периодам и проблемам булгарской истории. Обобщающей работы с комплексным использованием данных археологии и других смежных наук давно не появлялось². Между тем за последние

30 лет выявлено немало весьма ценных источников. Пробел этот восполняется книгой Р. Г. Фахрутдинова. Ее автор, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова (Казанский филиал АН СССР), известен своими трудами по археологии и истории Среднего Поволжья³.

Р. Г. Фахрутдинов по достоинству оценивает работы своих предшественников (С. М. Шпилевского, Ш. Марджани, В. Ф. Смолина, Б. Д. Грекова, А. П. Смир-

¹ Смирнов А. П. Волжские булгары. М. 1951; и др.

² Работа С. М. Шпилевского, подводившая итог изучения исторических и археологических источников по истории Булгарского государства, была издана свыше века назад (Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. 1877).

³ Предшествующая его монография посвящена исторической географии Булгарии; к ней приложен большой (1855 объектов) свод булгарских археологических памятников (Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань. 1975).

нова, Н. Ф. Калинина, Х. Г. Гимади и др.), скрупулезно анализирует письменные источники (русские летописи, сочинения арабо-персидских географов и путешественников, западноевропейскую историко-географическую литературу, татарские источники), дополняя их известия археологическими, эпиграфическими и языковедческими, фольклорными и этнографическими материалами. Это дало основание, в частности, уточнить и аргументированно очертить границы Волжской Булгарии, что важно для правильного освещения ее истории, ибо булгары сыграли значительную роль в этногенезе не только татарского, но и других народов Поволжья.

История Булгарского государства в книге прослежена от его образования в начале X в. до середины XV в., когда на бывших булгарских землях возникло Казанское ханство. Основу же составляет детальное освещение периода самостоятельного существования Волжской Булгарии (X — начало XIII в.). Серьезное внимание уделено социально-экономическому и политическому развитию этого государства, подняты и довольно полно решены вопросы этнического состава. Представляет интерес анализ материальной и духовной культуры волжских булгар, их идеологии и просвещения.

Автор предлагает новое решение ряда важных вопросов булгарской истории домонгольской эпохи. В их числе — вопрос о государственной форме раннего феодализма в булгарском обществе, о титуле правителя государства, о причинах и времени переноса столицы в бассейн Черемшана, о ее подлинном названии. В книге высказаны интересные мысли о формах и географии булгарской внешней торговли, военном искусстве, обычаях и обрядах булгар, о распространении письменности, об отношениях Волжской Булгарии со своим ближайшим западным соседом — Киевской Русью, справедливо оцениваемых как добрососедские (торговые договоры 1006, 1024 и 1229 гг.). Оригинально истолкован вопрос о фактически не состоявшемся походе Святослава на булгар в 965 г., о котором писалось в литературе как о действительном событии.

В целом политическая история Волжской Булгарии, ее отношения не только с Киевской Русью, но и с другими государствами, например с Хазарским каганатом, освещены Р. Г. Фахрутдиновым довольно полно. Вызывает интерес и анализ отноше-

ний Булгарии с Северо-Восточной Русью, трагически омраченных нашествием Чингизидов. Особая глава посвящена истории булгарской земли в составе Золотой Орды: обстоятельствам ордынского завоевания Волжской Булгарии и его последствиям, оборонительной борьбе народов Среднего Поволжья против поработителей, образованию Золотой Орды и ее отношениям с Волжской Булгарией. При этом требует дальнейшего обоснования мысль автора об автономии Булгарии в составе Орды.

Освещение истории любого уголка нашей страны в тот период затруднено скудостью источников. Автору помогает хорошее знание сочинений арабо-персидских географов. Особо хочется отметить критический подход Р. Г. Фахрутдинова к ним, стремление, пользуясь каждой возможностью, проверить по другим материалам данные арабских авторов, если даже они введены в научный оборот признанными специалистами. Такую же осмоторительность автор проявляет в работе с летописями. Будучи археологом, он сравнивает эти данные с материалами археологических исследований. Это оказывается особенно эффективным в разделах о Старой Казани, о происхождении татар Среднего Поволжья и Приуралья. Старой (по-татарски — Иски) Казани отведено в книге значительное место. В сущности, это первое обстоятельное освещение истории и археологии древней Казани в советской исторической науке.

Предшественником Р. Г. Фахрутдинова в изучении Иски Казани, начатом еще в конце XVIII в., был большой знаток ее древностей Н. Ф. Калинин. Собранный ранее материал по истории Старой Казани дополнен результатами раскопок, проведенных самим автором, его разведок в бассейне р. Казанки. Важный момент в его исследовании — оценки Иски Казани как связующего звена материальной культуры волжских булгар и казанских татар. Р. Г. Фахрутдинов склоняется к мнению о булгарской основе происхождения казанских татар. Этот основной вывод подтверждается всем материалом книги. Автор прослеживает участие в этногенезе казанских татар и других компонентов (кипчаков, ногайцев, финно-угорских племен). Это серьезно дополняет заключения научной сессии по этногенезу казанских татар, состоявшейся в 1946 году.

Не ограничиваясь вопросами формирования лишь основной этнической группы та-

тарского народа, т. е. казанских татар. Р. Г. Фахрутдинов коснулся и проблемы этногенеза западной группы татар — татар-мишарей. В этой области он также сказал новое слово. Речь идет о т. н. пензенской группе булгарских археологических памятников XIII—XIV веков. Носители данной культуры, смешавшись с местными мордовскими племенами и пришлыми кипчаками, сыграли существенную роль в формировании мишарей (мишарей). Отмеченное в книге преобладание булгарского и кипчакского компонентов подтверждается не только лингвистическими, но и археологическими данными, впервые комплексно введенными в научный оборот. Суждения автора по данному вопросу вполне убедительны.

Вызывает интерес история распространения в XIV—XVI вв. названия «татары» среди булгар и кипчаков. Р. Г. Фахрутдинов учитывает возможность как местного, так и внешнего происхождения имени народа. Кстати, на это обращали внимание крупнейшие советские востоковеды А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов и др. В советском востоковедении и тюркологии (в работах Г. А. Федорова-Давыдова, М. Ф. Закиева, В. Л. Егорова и др.) утверждается объяснение распространения названия «татары» среди коренных народов Среднего и Нижнего Поволжья (булгар и кипчаков) как наименования передового отряда ордынских полчищ. Такого объяснения придерживается и Р. Г. Фахрутдинов. Убедительны его выводы об эволюции этнонима «татары» в период распада Золотой Орды и возникновения Казанского ханства.

Академическим требованиям отвечают и указатели книги: имен, географических и этнических названий. Особенно ценен аннотированный указатель имен; весьма полезны приложенные к книге карты и схемы: карты булгарских земель домонгольского и золотоордынского периодов, карты горо-

дищ различных категорий (остатков городов, феодальных замков и крепостей); схемы размещения городищ и прилегающих селищ — остатков феодальных поместий. Впервые в монографической работе представлены планы до 40 городищ и оборонительных укреплений, обследованных самим автором. Раздел о Старой Казани иллюстрирован материалами из раскопок автора и его предшественников (горны, керамика, вещи и эпиграфика).

Естественно, в книге есть упущения. Например, нет желательной ясности в характеристике роли древних булгар в этногенезе поволжских татар, особенно казанских. Решению этой сложной проблемы мог бы помочь исторический и археологический материал Северного Кавказа, куда уходит своими корнями наиболее ранняя история булгар. Обращает на себя внимание сходство, а иногда и тождество археологического материала, относящегося к булгарам, хазарам и аланам. Лексические параллели также представляют интерес. Видимо, назрела необходимость созыва новой научной сессии по этногенезу казанских татар с привлечением ученых Кавказа. В книге не затронут вопрос о позиции волжских булгар во время Куликовской битвы. Перспективной задачей в плане изучения взаимоотношений Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии представляется дальнейшее осмысление находок русских вещей в Татарии.

Проблема, которую так интересно и основательно разрабатывает Р. Г. Фахрутдинов, отличается значительной сложностью. Его книга дает новые, оригинальные решения многих вопросов социально-экономической, политической истории и культуры крупного средневекового государства Восточной Европы. С ее выходом стала ближе и понятней важная глава отечественной истории.

Х. А. Хизриев